



СОПРОТИВЛЯЙСЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МАРИЯ ЛЕТОВА

18+

Мария Летова

Сопровивляйся

Серия «Холостяки», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69105028

SelfPub; 2023

Аннотация

Скольким можно пожертвовать ради любимого мужчины? Я пожертвовала карьерой. Чтобы стать для него надежным тылом, заглушила все свои амбиции, сделала его мечты своими мечтами, а он шел вперед, не оглядываясь. Теперь мой бывший муж влиятельный человек, а я учусь жить без него. Все, что нас связывает – это наш сын, а разделяет гораздо больше. Мои обиды и его предательство, которое я не смогла простить. Спустя три года он решил вернуть меня в свою жизнь, и я намерена сопротивляться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	36
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мария Летова

Сопровивляйся

Глава 1

Оля

– Мне нравится Вера, у нее красивые волосы, – рассуждает мой пятилетний сын, неуклюже двигаясь в своем дутом зимнем комбинезоне. – Но я женюсь на Еве, мы уже договорились. А валентинку подарю Алине, она новенькая...

Звучит очень потребительски, но их отношения с Верой вообще не отличаются верностью.

– А как же Вероника? – интересуюсь я, ведь новогодний подарок достался именно ей, и это учитывая то, какой был конкурс.

– Она противная.

Ясно.

Девочки – это все, что занимает его голову в последнее время, хотя в прошлом году он считал их отвратительными созданиями природы.

Каблуки моих сапог вязнут в февральском снегу, и я боюсь оставить их там навсегда.

Не помню, когда в последний раз надевала шпильки и делала макияж. Кажется, в прошлом году на свадьбу своей дво-

юродной племянницы, но сегодня сам бог велел, потому что у меня свидание, и не с аниматорами детских дней рождения, а с женщиной.

Его зовут Камиль Тхапсаев. Он хирург-травматолог. Один из лучших в городе. Ему тридцать пять, разведен.

Как это ни унижительно, но пару недель назад нас познакомили родители. Идиотизма ситуации добавляет то, что мы ни разу не встречались, только созванивались один раз. Я видела его фото, так что знаю, чего ожидать. От моего он отказался, сказав, что его родители называют меня «красавицей». Это очень лестно, но все равно рискованно.

Мне двадцать девять, и в этой жизни у меня был только один мужчина.

Один во всех смыслах.

Желудок сжимается, и, чтобы не дать этому дискомфорту трансформироваться в тугий узел боли в груди, я с внутренним рычанием изгоняю из головы все, что касается этого мужчины.

Глотаю воздух короткими вздохами, потому что даже через три гребаных года к глазам подкатывают слезы.

– Нахрен тебя... – шепчу, пряча лицо от промозглого ветра в капюшоне своей шубы.

Мы сворачиваем за угол нашей многоэтажки и огибаем ее, чтобы попасть на парковку, где Мишу должна ждать машина.

Во дворе и вокруг дома работают грейдеры, поэтому парковку здесь еще с утра запретили. В этом году столько снега,

что город просто захлебывается.

Глядя себе под ноги, стараюсь не растянуться где-нибудь на тротуаре, моя обувь действительно не на каждый день.

– От тебя вкусно пахнет, – замечает Миша. – Это что-то новенькое, – рассуждает он.

– Да, это новые духи, – подтверждаю я.

– Мне старые больше нравятся. Можно мне не носить колготки? Они мне жмут между ног... – резко меняет он тему.

– Хм... – отвечаю на это неожиданное заявление. – Можем попробовать подштанники.

– Подштанники мне нравятся, – одобряет он.

Если бы все проблемы в жизни решались так просто.

Глядя на то, как бодро сын топает рядом, испытываю прилив нежности и просто представить не могу, как бы сложилась моя жизнь, если бы в ней не было Мишани. Как бы то ни было, мой сын не случайный залет и не необдуманное решение. Я хотела забеременеть. Мы оба этого хотели. Я и его отец. Я не смогу вычеркнуть его из своей жизни, как бы ни старалась. Он никуда не денется, потому что любит нашего сына, но от этого мне только больнее.

Сегодня суббота, и с утра день был солнечным, но к пяти вечера небо затянуло серыми облаками, и стало хмуро.

Понятия не имею, чем закончится сегодняшний вечер. Я разучилась флиртовать с мужчинами. Единственный мужчина, которому принадлежит все мое внимание в последние три года, – это мой сын. Я ушла в своего ребенка с головой,

наверное, моя мать права – мне давно пора что-то менять, и это должен быть не ремонт в квартире, а что-то посерьезнее.

– Папа! – заливается громким криком Миша, срываясь с места.

Запнувшись, вскидываю голову и вижу припаркованный впереди внедорожник «Мерседес».

Сердце обрывается, но я беру себя в руки так быстро, как только могу.

Вдоль машины, прижав к уху телефон, вышагивает мой бывший муж, Руслан Чернышов.

Обернувшись, он разворачивается к нам и слегка расставляет ноги, ожидая, когда сын врежется в него на полном ходу.

Когда наши глаза встречаются, я натягиваю на лицо маску фальшивого дружелюбия.

Ветер бросает ему на лоб прядь темно-русых волос. Широкие плечи обтянуты дорогой черной шерстью пальто. Под ним у него деловой костюм, правда, галстук он успел снять, и пара верхних пуговиц расстегнута. От этой детали сердце снова предательски сжимается, но я научилась давить эти реакции. Сжимая озябшие пальцы в кулаки, двигаюсь следом за Мишей.

В последнюю встречу с бывшим мужем мы разругались так, что сын расплакался. Для его морального здоровья я решила, что лучше всего будет с его отцом вообще не пересекаться.

Это было почти полгода назад.

Я не истеричка, но он столько раз отменял их встречи, что у меня лопнуло терпение, и я сорвалась. Ведь это я, а не он, наблюдаю, как в глазах Мишани гаснут огоньки, после того как он бесплодно ждет папу целый день.

Мне плевать на то, что у мэра полно дел. Плевать на то, что у него не выходит выстроить для себя нормальный график жизни, чтобы в нем нашлось место для сына. Все это его проблемы, не мои. Ни одна из его трудностей за последние три года меня не касается. С тех пор как мы развелись.

Обычно Мишу забирает водитель. Привозит тоже. Все было идеально.

– Привет, – Руслан убирает телефон в карман и кладет ладонь на Мишину шею.

Опустив глаза, смотрит на сына с улыбкой. Видеть, как они похожи, выше моих сил.

– Я хочу достроить свое лего, – тут же начинает извергать информацию наш ребенок. – Дома я тоже строю, но у тебя дома места больше.

– Достроишь, – бормочет Чернышов, переводя на меня глаза.

В сером свете они ярко-голубые.

Его взгляд падает на мои ноги в сапогах на шпильках и быстро возвращается к лицу.

– Привет, – говорит он мне.

– Привет, – отзываюсь, посмотрев на часы.

Макияж изменил меня не настолько, чтобы ввести кого-то в ступор, но мой бывший муж чуть сощуривает глаза.

– Как дела? – спрашивает ровно.

Возможно, он просто пытается понять, какое сегодня у меня настроение, но я не собираюсь скандалить. Больше никогда. Я себе обещала.

– Хорошо, а у тебя? – любезно интересуюсь в ответ.

– Тоже, – кивает. – Освободился пораньше.

На его подбородке вечерняя щетина, и мысль об этом иголками забирается под кожу. Как и то, что он явно налегал на спорт все эти месяцы. Выглядит бодрым и... чертовски привлекательным. Впрочем, как всегда.

Он ловит мой взгляд на своем теле, и я быстро отворачиваюсь.

– У мамы свидание, – объявляет Мишаня. – С другом, – добавляет.

Я не сомневалась в том, что эта информация долго в нем не удержится, но не ожидала, что он обнародует ее вот так.

– Свидание? – тянет Руслан.

Смотрит сначала на сына, потом на меня. С прищуром, от которого где-то в животе шевелятся мурашки.

Я рада бросить ему в лицо эту информацию. В конце концов, не только он один в этом городе трахается.

Боковым зрением вижу, как на парковку заезжает черный БМВ, и это за мной.

Это Камиль... он прислал номер и марку машины, когда

мы договаривались о встрече.

– Да, и мне уже пора, – объявляю им. Глядя на Мишу, добавляю: – Вечером позвоню.

Развернувшись, шагаю к машине своего «друга».

Глава 2

Оля

Салон БМВ пропитан ароматом мужского парфюма. Запах приятный и без перебора, но это немного обескураживает, потому что он чужой. К этому нужно привыкнуть.

Из-за этой реакции я чувствую себя выбравшейся из леса дикаркой, отвыкшей от посторонних мужчин, кроме своего отца и брата. К тому же мой затылок слегка печет, но я не буду оборачиваться. Ни при каких обстоятельствах. Это мой день. Мой вечер.

– Ого... – Камиль смотрит на меня с белозубой улыбкой. – Пожалуйста, скажи, что ты Оля.

– Это я, – улыбаюсь ему в ответ.

– Уфф... – выдыхает, охватывая горящим взглядом всю меня целиком. – Я счастливчик.

У него узкое лицо и темно-карие глаза. В уголках губ и глаз морщинки, я бы сказала, что этот мужчина «в самом соку» и ничуть не хуже, чем на фото. Тело у него худощавое, но слабаком его не назовешь. Он высокий и в отличной форме.

– Ты меня не знаешь, – смеюсь я.

– Очень хочу узнать, – чешет свою бровь.

– Давай попробуем, – пытаюсь звучать беззаботно.

Между нами есть легкая неловкость, но ведь мы не старые друзья. И раз уж на то пошло, мы потенциальные любовники.

Но я не могу думать об этом, пока «Мерседес» Чернышова не уберется с парковки.

– Это твой бывший? – мотает головой в сторону лобового стекла Камиль.

Скрепя сердце, перевожу глаза на окно и вижу, как Руслан помогает Мише забраться в детское кресло на заднем сиденье. Захлопнув дверь, он огибает машину и на ходу оборачивается.

Быстро отведя глаза, говорю Камилю:

– Да.

Я рассказала ему о том, что разведена, но личность Чернышова оставила в тайне. Не думаю, что его статусу повредят «сплетни», но все равно оставляю лишнюю информацию за кадром, как выдрессированная годами нашей совместной жизни собака. Ему не нужно было объяснять мне простых вещей, если дело касалось его карьеры, я дрессировала себя сама. Училась выстраивать дистанции, чтобы не подпускать близко к его частной жизни сомнительных людей. Вокруг него таких было полно. Ему многие завидовали. Парень, вчера окончивший университет, создает проект по благоустройству города и выигрывает тендер. Он стал любимчиком в мэрии. Мгновенно. Талантливый, амбициозный и работоспособный.

Я им гордилась. Так сильно. А он был счастлив.

Эмоции комом собираются в горле, и, чтобы его прогнать, втягиваю в себя чужой запах салона, в котором решаю по-

скорее освоиться.

– Ну что, готова к приятному вечеру? – обаятельно улыбается Камиль.

– Я же пришла, – напоминаю ему, пристегивая ремень.

– Я занудный? – тихо смеется он.

– Ты самокритичный, – улыбаюсь.

Я расслабляюсь даже раньше, чем машина добирается до первого светофора.

Настроение идет в гору с каждым километром, это отлично.

Я не чувствую дикого влечения, но и в задницу его.

Я отдала восемь лет жизни мужчине, которого слишком сильно любила. Именно поэтому я никак не могу переварить эту боль. Даже три года спустя. Я только надеюсь, что ему так же больно, как и мне, ведь это не я все разрушила.

– Там сзади цветы, – говорит Камиль. – Черт. Я не знал, куда их пристроить. Попробовал на панель, потом переложил назад. Как дурак, ей-богу.

Обернувшись, я вижу букет красных роз. Терпеть не могу розы, но не стала бы его расстраивать ни при каких обстоятельствах.

– Потрясающие, спасибо, – как ни странно, мой голос звучит искренне.

Камиль улыбается, глядя перед собой.

Пока машина движется по городу, болтаем.

– Так ты репетитор? – интересуется он.

– Да, английского языка.

– Закончила факультет иностранных языков?

– Угу. Как прилежная дочь, на одни «пятерки».

– Умница какая, – хмыкает он. – И сколько языков ты знаешь?

– Ну... – тяну заговорщически. – Четыре.

– Огласите список, – салютует он.

– Английский, немецкий, латынь и матерный.

Камиль смеется, а я улыбаюсь, чувствуя себя раскованно как никогда.

О том, что бывший муж платит мне алименты, на которые можно было бы спокойно жить, не работая, я также не распространяюсь.

Иногда мое положение меня злит.

Я завишу от него.

Мы никогда это не обсуждали, но оба об этом знаем. Я смогла хоть как-то начать работать, только когда Мише исполнилось три года. Это было непросто, к тому времени мой диплом покрылся просто катастрофической пылью.

В нашей семье будет только одна карьера, это было понятно с самого начала. У нас все было по плану. Свадьба, после того как я получила диплом, через год я забеременела.

Наша жизнь стала другой в одну минуту.

Беременность, новый дом, рывок в его карьере, бесконечные командировки...

– Я открою, – останавливает меня Камиль, когда хочу са-

мостоятельно выбраться из машины.

Опускаю ладонь в его, когда он протягивает мне свою.

Его рука такая холеная. Идеально вычищенные ногти и мягкая кожа. Это так непривычно, что я не понимаю, нравится мне или нет.

В ресторане все столики заняты.

Взгляд сидящего напротив мужчины то и дело опускается в мое декольте, но он слишком хорошо воспитан, чтобы делать мне фривольные замечания. И все равно я чувствую, что он слегка возбужден.

А я?

Допив бокал шампанского, слежу за его движениями.

Он мне приятен. Но я не хочу спешить. Заняться сексом с мужчиной после первого свидания?

Это шампанское?

Память услужливо намекает на то, что когда-то для меня это не было проблемой. Я лишилась девственности в тот же вечер, когда Чернышов сказал мне свое первое «привет». Мы даже раздеться до конца не успели.

Пальцы в моих сапогах подворачиваются, потому что я помню все до последней мелочи.

– Ты в норме? – участливо спрашивает Камиль.

– Пфф... – болтаю своим бокалом. – Я уже два месяца не пила алкоголь, – признаюсь ему.

В его глазах хитрый блеск.

– Женщина плюс шампанское – это разве не шанс для

мужчины?

– Я не хочу спешить, – говорю слишком поспешно.

– Оля... я не такой идиот, – смотрит мне в глаза.

Это облегчает жизнь.

Доедая ужин, мы просто общаемся. Почти не флиртуем, просто болтаем. С ним легко и интересно.

К тому времени, как его машина тормозит во дворе моего дома, я абсолютно уверена в том, что хочу встретиться с ним снова.

– Я позвоню тебе на днях, не против? – спрашивает Камиль.

– Я только за, – может, я слегка пьяна, но уверена, что не передумаю завтра утром.

Забрав свой букет, выхожу из машины.

В отсутствие сына квартира кажется мне мертвой.

Пристроив на тумбочке ладони, смотрю на свое отражение и, вздохнув, собираю распущенные волосы в хвост. Завтра у меня два ученика, так что решаю навести относительный порядок.

На старом пятитонном пианино открыта крышка.

– Сколько раз говорить... – бормочу, собираясь ее опустить.

Помедлив, разминаю пальцы и по памяти наигрываю свой любимый вальс, но меня прерывает пищание телефона.

«Наверное, она думает, что я настоящий дурак, раз за весь вечер так и не удосужился осыпать ее комплиментами», –

читаю на дисплее и улыбаюсь.

Подумав пару секунд, печатаю в ответ:

«Она так не думает, но ты можешь осыпать ее сейчас».

«Ты потрясающая, – пишет Камиль. – Я хочу увидеть тебя снова».

Этот информационный поток прерывает другое сообщение.

Я реагирую на автомате, проваливаясь в него и читая:

«Когда у него будет готов загранпаспорт?»

Мне требуется меньше секунды, чтобы розовые облака в голове развеялись.

Не помню, когда он писал мне в последний раз. Пару месяцев назад, это точно. После нашего последнего скандала мы общаемся через его мать, через его водителя, через его секретаршу.

Сегодня его слишком много.

Поджав губы, печатаю:

«Через две недели».

Решаю не задавать никаких уточняющих вопросов, но спустя минуту понимаю, что стою посреди комнаты, ожидая продолжения.

Но его не следует.

Это бесит гораздо больше, чем любимый мультик сына, весь день стоящий на повторе.

Он даже ничего не сделал, а я уже завелась.

«Это значит, нет (?», – пишет мне Камиль, о котором я

забыла.

«Я свободна в следующую пятницу», – пишу ему.

«В то же время. Я буду на месте», – отвечает он.

Вот и отлично.

Глава 3

Оля

– Оля? – слышу осторожный вопрос за спиной и оборачиваюсь, нос к носу сталкиваясь с эффектной блондинкой в норковой шубе, замшевых сапогах-гармошках на шпильках и зеленой бейсболке с брендовым логотипом на лбу.

Очень стильно.

В отделе бытовой химии городского гипермаркета она выглядит настолько инородно, что стоящий рядом мужик ставит бутылку стеклоочистителя мимо полки.

Даже несмотря на ее шпильки, мой рост позволяет нашим лицам находиться на одном уровне, и от такого близкого контакта мои глаза расширяются.

– Маша? – присматриваюсь к лицу, на котором сильно изменилась форма носа. – Новикова?

Пухлые губы, узкий прямой нос, скулы тоже заострились...

– Обалдеть... – осматривает меня с головы до ног бывшая одногруппница. – Прие-е-ет!

С радостным писком она обнимает мои плечи, взволнованно смеясь.

Меня встряхивает не меньшая радость, отдаваясь приливом счастья в сердце. Обнимаю ее в ответ, и мы качаемся из стороны в сторону, как неваляшки.

Запах ее духов повсюду. Так пахнут только оригинальные духи, которые прибыли из-за границы.

– Машка... – смеюсь, отстраняясь. – Я бы тебя не узнала...

Она выглядит как рублевская жена. С полным набором белоснежных виниров и ламинацией волос.

Я действительно шокирована.

– Это пластика, – отмахивается Маша. – Любимка моя...
– восклицает на эмоциях. – Дай на тебя посмотрю...

На первом курсе мы были не разлей вода. Везде таскались вместе. Она свела мою девичью фамилию Любимова к «Любимке», потому что имела склонность к уменьшительно-ласкательным прозвищам, которые давала всем подряд.

Мы были подругами.

Я никогда не тосковала по студенчеству. Человек, ради которого я отодвинула всех своих друзей и подруг, всегда шел только вперед, смотрел только в будущее. Я делала так же. Рядом с ним мне всегда хотелось жить здесь и сейчас. Отличный урок, я до сих пор цепляюсь за ЕГО чертову логику.

– Оля, ты красотка, – проводит рукой по лежащим на моем плече волосам. – Не изменилась. Вообще...

– Маш... – смотрю на нее в ответ. – Красотка – это ты.

Она выглядит стопроцентно фотогенично.

Она выглядит как голливудская фотомоделка.

Я знаю, что хорошо выгляжу, но рядом с ней у любой случится самооценка.

В университете она была девочкой из провинции. Ее родители жили где-то глубоко в области, она выбиралась к ним два раза в год и то, потому что «надо». Она слишком любила город, жила в общежитии, обожала тусовки и парней. Короче говоря, была моей противоположностью. Я жила с родителями и слыла разборчивой до тошноты, потому что привести в дом парня в нашей семье можно было только в качестве потенциального зятя.

Это она познакомила меня с Чернышовым...

Она вынесла мне мозг своей влюбленностью в «этого Руслана». А я, как последняя сука, влюбилась в него еще сильнее.

Мне было так стыдно смотреть ей в глаза, после того как мы с ним начали встречаться, но она влюблялась каждую неделю, поэтому мы даже поссориться как следует не смогли.

А потом моя жизнь закрутилась вокруг него и его друзей. К третьему курсу мы с Машей почти не общались. В тот год она уехала на практику в Германию и не вернулась. Я слышала, что она там вышла замуж, это было ужасно на нее похоже.

Она была отличной подругой, а я дерьмовой.

– Я уже полчаса за тобой хожу, – тараторит Маша. – Думаю, ты это или не ты...

– Я бы тебя не узнала.

– Ну, значит, я не зря столько бабок потратила, – весело смеется она.

– У тебя акцент... – улыбаюсь, впервые за много дней чув-

ствуя себя невероятно живой.

С ней рядом даже мертвец, твою мать, воскреснет.

На мне белый пуховик, и хоть он в тренде на сто процентов, я рядом с ней домохозяйка.

– Гражданство Италии наложило отпечаток, – смеется она.

– Италии?! – изумляюсь. – А как же Германия?

– Это была ошибка, – звонко хохочет.

В кармане моей куртки звонит телефон.

– Блин... подожди минуту... – прошу я Машку.

Она соединяет большой и указательный палец, показывая мне «о'кей».

– Да, Мишань? – говорю, отвернувшись к полке с туалетной бумагой.

– У меня выпал зуб, – сообщает он.

– Что?!

Прекрасно.

Я ждала этого всю неделю, а все сливки достались его отцу.

– Ну, я же сказал, зуб, – повторяет мне со строгими интонациями.

– И как он выпал? Сам?

– Нет, папа дернул за него, и он выпал.

Что за, мать твою, самодеятельность?

Почему Чернышов вечно делает то, о чем его не просили?!

– Тебе было больно? – спрашиваю с раздражением, которое не получается задушить.

– Нет, мне было смешно. Как мне передать его Зубной Фее?

Закрыв глаза, медленно выдыхаю.

– Возьми его с собой, мы передадим ей дома. Надеюсь, папа его не выбросил?

– Нет, – смеется Миша. – Мы купили для него банку в аптеке.

Вдыхаю...

– Где вы?

– Стреляем. Из пистолетов.

– Из каких пистолетов?!

– В стрелковом клубе, у папы тут встреча.

Ясно.

Разумеется.

Это огромная база отдыха за городом, на которой я никогда не была.

– Где папа? – спрашиваю строго.

– Ну... он вот тут. Рядом. Дать ему трубку?

– Нет! – восклицаю, прикладывая ко лбу руку. – Я ему...
потом сама позвоню.

– Я тогда буду мультики дальше смотреть, – сообщает сын.

– Ты ел?

– Угу. Шашлыки... и картошку фри...

Картошку фри.

Отлично. Просто отлично.

Мне хочется набрать его папу и сообщить о том, что, если он тащит ребенка за город, не мешало бы меня об этом предупредить. Просто потому, что я хочу знать, чем они занимаются, когда он забирает у меня сына на двое суток.

Я не стану с ним разговаривать.

Все было отлично, пока он не объявился вчера вечером.

Впервые за полгода.

Я напишу ему сообщение. Позже.

– Ладно, – отвечаю поспешно. – Сделай мне селфи, – прошу Мишу. – И не потеряй зуб.

– Он у папы в бардачке.

– Ладно... до завтра...

– Пока, мам, – беспечно отвечает сын и кладет трубку.

Я никогда не ревновала его к отцу.

Когда тот забрал его на выходные в первый раз, не нашла себе места.

Это случилось не так давно, год назад примерно.

Я волновалась, как чокнутая мамаша. Боялась, что Миша захочет домой, потому что с момента его рождения мы не расставались ни на один день. Я не могла отпустить его от себя даже к бабушке и дедушке, вот такая я была сумасшедшая.

Но я так хотела этого ребенка, его ребенка, что на всех наплевала...

– У-у-у... – хлопает в ладоши Маша, когда кладу труб-

ку. – Сколько у вас детей?

Ее вопрос встряхивает меня как дурочку.

Вызывает приступ тоски и горечи, но я так рада ее видеть, что просто бросаю в тележку упаковку туалетной бумаги и объявляю:

– Один. У мамы завтра день рождения, давай до тортов прогуляемся?

– М-м-м-... – жмурится она. – Пошли, – берет меня под руку. – Как хорошо навестить родные пенаты.

Глава 4

Десять лет назад...

Оля

– А если кто-нибудь наступит? – обращаюсь к затылку своей подруги Маши.

Быстро двигаясь по узким коридорам студенческой общаги впереди меня, она успокаивает:

– Не наступит. За такое можно в глаз получить.

Обшарпанные стены выкрашены зеленой краской, которая местами облупилась, под ногами столетний линолеум, который будто на гвозди прибили.

В студенческой общаге нашего универа я второй раз в жизни за полтора года обучения. Первый раз я приходила к Машке в гости, а сегодня я собиралась побывать на супер-пупер-попойке с пятикурсниками. В отличие от нее, я живу дома, с родителями, и меня отпустили в общагу, чтобы «готовиться к коллоквиуму».

Я нервничаю, потому что в общагу проникла нелегально и не хочу, чтобы меня вышвырнули отсюда посреди ночи. У нас тут октябрь, а не май, и мне придется до утра шататься по улицам, потому что на такси до дома у меня денег нет.

– Ну а если наступят? – не унимаюсь я. – Я не хочу из универа вылететь.

– Господи, ну какая же ты задротка, – возмущается Машка, сворачивая на лестничный пролет. – Руслан – председатель студсовета и в профкоме тоже заседает, так что никто тебя не отчислит.

– Твой Руслан? – уточняю я, спускаясь по лестнице вслед за ней.

– Да, – хихикает она.

Она познакомилась с этим парнем, когда дежурила в своей секции. Она мыла полы в коридоре, а он проходил мимо и галантно предложил помочь, то есть сделал это за нее. Помыл эти полы.

Машка отлично вертит парнями. Внешность позволяет, и язык у нее подвешенный.

Этот парень, Руслан, пригласил ее на сегодняшнюю тусовку, а тусовки Машка обожает больше всего остального. Я тоже не ханжа, но помню о том, что нам завтра на занятия.

На подруге короткое леопардовое платье-стрейч, а на мне ее юбка-солнце, которая должна быть до колен, но я выше Новиковой на десять сантиметров, поэтому у меня едва прикрыта середина бедра. На ногах у нас обеих домашние тапки, просто суперстайл.

– Слышишь? – ускоряется она.

Я слышу.

Когда спускаемся на один пролет, попадаем в другое измерение.

Снизу доносится музыка и хохот.

И это в девять вечера.

В нос ударяет запах сигаретного дыма, потому что на подоконнике курят две девушки, а еще ниже, на площадке перед дверью в комнату номер 440 тусуется человек пять парней.

Они с любопытством на нас поглядывают, а Машка объясняет:

– Салют!

– Прошу, – открывает один из них для нас дверь.

Их слишком много, и, чтобы глаза не разбегались, как у дурочки, я опускаю их в пол. Это еще хуже, потому что выглядит так, будто я стесняюсь. Но я и правда стесняюсь, не зная, как себя вести. Эти парни слишком взрослые даже на первый, очень быстрый, взгляд, а с такими я никогда не общалась.

Я чувствую на себе взгляды, когда прохожу мимо, и от этого смущаюсь еще больше.

– Привет, – бормочу под нос, переступая порог вслед за Машкой.

Глядя через ее плечо, передергиваюсь и натягиваю на похолодевшие пальцы рукава водолазки.

Ого...

Это очень большая комната. Человек на семь, не меньше. И у нее есть свой балкон, двери открыты настежь, поэтому по полу гуляет сквозняк.

Повсюду народ, на балконе тоже. Они валяются на кроватях, гогочут. В углу парень играет на гитаре, и вокруг него

подпевающая кучка девиц.

Я здесь никого не знаю...

Ни единого человека, кроме Маши.

– Пошли... – тянет меня за руку.

Тащит мимо общего стола, за которым играют в карты, к кровати, поперек которой лежат два парня с пивными стаканами в руках. Один щуплый, но очень симпатичный, а второй высокий, спортивный брюнет в футболке «Металлика».

– Привет, Рус, – объявляет Машка, притормозив нас обеих напротив этих двоих.

Тот, что крупнее, выпрямляется, глядя снизу вверх, и я пялюсь на него осторожно.

Симпатичный.

Широкие плечи, длинные ноги, обтянутые синими джинсами. Короткая стрижка и расслабленный взгляд очень голубых глаз, который он переводит на Машку.

– Привет, – он улыбается, приподняв вверх уголки полных губ.

– Это Оля, – подруга машет в мою сторону рукой и принимается накручивать на палец прядь своих светло-русых волос. – Как дела?

– Хорошо, – встает он. – Привет, – бросает на меня милый взгляд.

– Привет, – отзываюсь, переминаясь с ноги на ногу.

Он *очень* симпатичный.

И подкачанный.

Здесь, в общежитии, есть спортзал, судя по всему, он оттуда не вылезает.

Правда, я вижу, что на плече его футболки разошелся шов, да и вообще, она вся застиранная. Аппликация на широкой груди солидно осыпалась, и я не думаю, что он продолжает ее носить, потому что она какая-то особенная, судя по тому, как стоптаны его кроссовки.

До меня вдруг доходит, что все это время они с Машкой разговаривают, просто Руслан говорит тихо. Чтобы его слышать, нужно все внимание концентрировать на нем.

Вместо этого я с отстойным ханжеством рассматриваю его убитые кроссовки, а когда поднимаю глаза, вижу прямой вызывающий взгляд голубых глаз на своем лице.

Мне мгновенно становится стыдно.

Ну да, не у всех обеспеченные родители, как у меня, но я не высокомерная сука.

Кажется, он другого мнения.

У меня начинает колотиться сердце.

Обняв себя руками под грудью, смотрю в потолок.

– Что будете пить? – слышу дружелюбный вопрос, от которого веет все тем же вызовом.

Кажется, этот вызов для меня...

Подняв глаза, смотрю на парня исподлобья.

Насмешливо выгибает брови, глядя на меня в ответ.

– Я буду портвейн и колу, – объявляет Маша.

– А ты? – спрашивает все с той же усмешкой.

– Я... – пытаюсь не тупить. – Вино...

– Вино... – повторяет так, будто я только что вбила гвоздь в крышку его мнения обо мне. – Вино, вино... – напевает.

Протянув руку, берет с подоконника резиновый прыгающий мяч и, отведя ладонь, запускает его в другой конец комнаты.

– Миллер! – кричит вдогонку. – У нас вино есть?

Бросив взгляд в ту сторону, куда полетел мяч, вижу, как тот врежется в ногу парня, слившегося в страстном засосе с какой-то брюнеткой, сидящей у него на коленях.

– Какого хрена! – возмущается тот, оторвавшись от ее губ. – Чего?!

– Вино у нас есть? – повторяет этот.

– Есть, – со смехом отзывается девушка. – В морозилке.

Она красивая – это все, что успеваю зафиксировать, потому что они возобновляют свой поцелуй.

– Я сама возьму... – бормочу, отыскивая взглядом холодильник.

– Правее, – слышу брошенное мне указание.

Скосив глаза правее, нахожу этот холодильник в углу между обеденным столом и шкафом.

Я чувствую на своем лице чужой взгляд и быстро разворачиваюсь на пятках, убираясь подальше от Машкиного «друга». Но, когда открываю морозилку древнего советского агрегата, вижу, что внутри всего одна бутылка белого, и она не вскрытая.

Достав ее оттуда, осматриваю застеленный выцветшей, заляпанной чем попало клеенкой стол, пытаюсь понять, где у них тут хранится штопор.

Обернувшись, осматриваю набитую людьми комнату, чтобы проконсультироваться на этот счет хоть с кем-то, но первым делом взгляд падает на этого Руслана.

Он будто ждал.

Сложив на груди руки и ведя беседу с Машей, наблюдает за мной через всю комнату.

Отвернувшись, открываю висящий на стене ящик, но там внутри гора немытой посуды.

– Фу... – закрываю его тут же.

Открыв соседний, нахожу там склад консервов.

Мой затылок печет.

Нервничаю, хоть и знаю, что отлично выгляжу, но по ногам в тонких черных капронках все равно гуляет легкая дрожь.

– Дай сюда, – слышу у себя над ухом.

Развернувшись, прижимаю к груди запотевшую холодную бутылку и смотрю на него.

Я не дылда, во мне метр семьдесят, и этого мало для того, чтобы наши лица были на одном уровне, поэтому мне приходится приподнять подбородок.

С серьезной миной Машкин Руслан забирает у меня бутылку и выдвигает ящик тумбочки, на которой стоит электрическая плитка.

Отхожу в сторону, задев его плечо своим.

Он с тихим «чпок» извлекает из бутылки пробку. Открывает холодильник и достает оттуда запотевший бокал под вино. Все это время я исподтишка за ним наблюдаю.

На среднем пальце правой руки у него кольцо «спаси-сохрани», в ухе маленькое колечко серебряной сережки.

– На кого ты учишься? – спрашиваю осторожно.

Наливая в стакан вино, бросает на мое лицо взгляд.

Мимолетно смотрит на мои губы, потом в глаза. Будто провел предварительную оценку, прежде чем решить, отвечать или нет. Я не святая и сама изучаю его лицо, каждую секунду натываясь то на глаза, то на рот.

Здесь столько посторонних запахов, что я не могу понять, чем от него пахнет. Для этого мне пришлось бы ткнуться носом в его футболку.

Начинаю вибрировать, потому что мне вдруг хочется это сделать. Прижаться. Просто без смысла и цели хочу почувствовать его тело, потому что оно мне нравится! У него отпадная фигура.

– Строительство и эксплуатация зданий и сооружений, – отвечает, вручая мне бокал.

На его подбородке проклеывается темная щетина. Меня опять встряхивает от кульбитов в животе, потому что он очень-кошмарно-ужасно притягательный. И он нравится Машке...

– Я думала... – откашливаюсь. – Это общага инязевцев и

ЭКОНОМИСТОВ.

– А ты когда-нибудь в других была? – спрашивает, складывая на груди руки.

– В смысле? – смотрю на его бицепсы. – Здесь, то есть у инженеров и архитекторов?

– Угу.

– Нет... а что там?

– Там некомфортно.

– Тут тоже не Майами, – фыркаю, осматривая покрытый разводами потолок.

Посмотрев на него вслед за мной, Руслан склоняет набок голову и разжевывает:

– Зданию восемнадцать лет. Строилось в период острого дефицита годных стройматериалов, поэтому начала вылезать плесень. Конкретно этой комнате из-за большой площади не хватает еще одного радиатора для обогрева. Этот блок комнат страдает больше всего на всех восьми этажах, но жить здесь можно. Бесплатное жилье никогда не бывает пятизвездочным, андестенд?

Сделав большой глоток из своего бокала, спрашиваю:

– В чем проблема завести пару обогревателей?

– Ни в чем, – усмехается. – Просто я тут проездом.

– Ты здесь не живешь? – скребу ногтями свой бокал.

– Нет.

Чувствую, как на теле проступает испарина.

От вина печет в желудке, но еще больше печет под кожей.

Я должна задать вопрос. Он ждет его от меня. У меня бухает в груди.

Повернув голову, ищу глазами Машу.

Она уже за главным столом. Смеется и пьет портвейн с колой.

Облизнув губы, смотрю на Руслана.

В его глаза, а потом на его губы. Резко поднимаю глаза к потолку, спрашивая:

– А где ты живешь?

– Квартиру снимаю. Хочешь в гости?

Глава 5

Девять лет назад

Оля

– Позови лучше Машу, – прячу от него глаза, опуская взгляд на руки и зажатый в них бокал.

Я была бы последней сукой, если бы ушла с ним с тусовки, на которую подруга притащилась ради него.

– На меня что, очередь? – усмехается.

Когда поднимаю на него глаза, вижу, что на самом деле он не смеется. Смотрит в мое лицо исподлобья, и его полные губы не улыбаются.

– Я в любом случае не из *твоей* очереди, – смотрю на его прямую сильную шею с выпирающим кадыком.

Десять минут назад я даже не знала о его существовании, а сейчас мне хочется его потрогать. Его предплечья покрывают темные гладкие волоски, на запястьях и ладонях проступают вены, а на груди под футболкой угадываются мышцы.

– Я в любом случае не дал бы тебе стоять в очередях, – парирует он.

– Ты даже имя мое не запомнил, – смотрю на него.

– С чего ты взяла?

– Интуиция.

– У меня нет проблем с усвоением информации.

– Тогда как меня зовут?

Подняв одну из сложенных на груди рук, он чешет пальцами подбородок и раздумывает пару секунд, после чего спрашивает:

– Если скажу, пойдешь со мной?

Я почти уверена в том, что он не знает моего имени. Почти уверена, что все это блеф, но почти – это не факт, поэтому не спешу с ответом, заранее мучаясь угрызениями совести и стыдом перед Машкой.

– Ты нравишься моей подруге, – говорю ему.

– Ладно, – «переобувается» он. – Давай просто прогуляемся. Общага еще только через два часа закрывается.

Облизнув губы, снова ищу глазами Машу, но мое сердце уже сорвалось с цепи. Ее заслоняет какой-то парень, и я перевожу глаза на Руслана, прикидываю, как он будет выкручиваться, если и правда блефует. Но выглядит он так, будто у него все под контролем. Терпеливо ждет, слегка выгнув темные, густые брови, под которыми блестят голубые глаза.

Просто прогуляться – это не преступление. Это дохлая отмазка для моей совести, но я вынуждена ее заткнуть, потому что чертовски хочу узнать, блефует он или нет.

Допив свое вино одним глотком, говорю:

– Договорились.

Посмотрев на мои губы, он еле заметно улыбается и объявляет:

– Ты Оля.

Твою мать.

Он забирает у меня стакан и ставит его на стол.

– Пошли, – подхватив мой локоть, ведет к выходу и по пути снимает с крючка черную дутую куртку, которую зажимает под мышкой. – Где твои вещи? – спрашивает, когда выходим в коридор.

Его пальцы все еще сжимают мой локоть.

Не сильно, но так, будто он боится, что я собираюсь убежать.

Мне восемнадцать, я умею вести себя с парнями, но он пятикурсник, и внутри я вибрирую от волнения, ведь даже невооруженным глазом видно, что мои одноклассники рядом с ним – кучка детсадовцев.

Я не собираюсь убегать, но и позволять многого не собираюсь.

Я не шлюха.

Может, один поцелуй, и все.

Мне нужно вернуться через час или два, иначе Машка откусит мне голову.

– В триста первой... – машу рукой на лестничный пролет, напротив которого мы стоим.

Все время, пока идем до Машкиной комнаты, я чувствую за своей спиной его присутствие. Шурша курткой, он одевается на ходу и, когда выхожу из комнаты, одетая в новенькое пальто с меховым воротником, которое подарили на день рождения родители, вижу, что он ждет меня, пристроив к

стене свое мощное плечо.

Машкина соседка закрывает за мной дверь, поворачивая замок, а Руслан прогуливается глазами по моим ногам, обу-
тым в кожаные сапоги до колена, вверх по пуговицам пальто
и останавливается только тогда, когда его взгляд добирается
до моего лица.

Мне под кожу будто запустили фейерверк.

Я вдруг понимаю, что он смотрит на меня вообще небез-
обидно. Я даже не уверена, что на меня когда-то вот так
смотрели парни. Оценивающе.

Пусть смотрит.

Мне не жалко.

У меня «ноги от ушей», как любит выражаться моя мама.

– Готова? – отталкивается от стены.

– Да, – пожимаю плечом и нахлобучиваю на голову шапку.

Руслан надевает свою – черную и обтягивающую, которая
сильно ему идет.

С каждой минутой он кажется мне все красивее и кра-
сивее, я замечаю то, чего не видела раньше. Что нос у него
крупноват, как и губы, но все вместе это выглядит отлично.

На улице октябрьский туман и промозгло, но я не успеваю
убрать руки в карманы, потому что моя ладонь вдруг оказы-
вается в большой и сильной руке парня, с которым мы по-
знакомились двадцать минут назад!

Поймав мой взгляд своим, как ни в чем не бывало дергает
меня за руку, заставляя сбежать вслед за собой с крыльца.

Его кожа немного грубая и теплая. Не знаю, почему не сопротивляюсь. В любом случае на мою покладистость он отвечает тем, что сплетает наши пальцы в замок и медленно ведет меня вдоль общежития в сторону проспекта.

– Ты не из города? – смотрю на мокрый асфальт, к которому тут и там приклеились желтые кленовые листья.

– Из Московской области, – отвечает Руслан.

– Ого, – удивленно посмеиваюсь. – И как тебя сюда занесло?

По сравнению с ним я провинциалка, и в моей голове идет резкая перестройка первого впечатления, но даже на первый взгляд он не показался мне простаком, даже несмотря на свою потрепанную обувь и одежду.

– Здесь обучение дешевле, – отвечает Руслан.

– Ясно, – бормочу.

– Хочешь чего-нибудь? Мороженое-пирожное?

– Нет, я поужинала.

– Тебе есть восемнадцать? – спрашивает он.

– А что? – смотрю на него, с издевкой выгнув брови. – Если нет, вернешь меня обратно?

Он улыбается.

Уголки уезжают вверх, отчего подбородок чуть меняет форму, и это... кошмарно ему идет.

Ему идет улыбка.

– Нет, – посматривает он на меня. – Если нет восемнадцати, я подожду.

Это заявление заставляет гореть мои щеки.

Чего он собрался ждать, совершенно понятно, и этот подкат настолько волнующий, что я краснею, как дурочка.

– А если есть? – смотрю на него все с той же издевкой.

– Если есть, значит, ждать не придется, – выдает он.

Эта очевидная игра слов, и, чтобы на нее ответить, мне приходится сначала оценить нахальный подтекст. Такой же нахальный, как подтекст его предыдущего заявления.

Кусаю губу, очерчивая взглядом четкий профиль Руслана.

– Извини, – довольно прищуриваюсь. – У женщин про возраст не спрашивают.

На его лице ухмылка, в его глазах пляшут черти, а у меня в венах карнавал, потому что я его уделала.

– А тебе сколько? – интересуюсь тут же.

– Двадцать один, – смотрит перед собой, медленно раскачивая наши руки.

На тротуаре, по которому мы двигаемся, попадают редкие прохожие, а транспорта в девять вечера стало в разы меньше.

– Тебе у нас нравится? – поглядываю на него.

– В городе?

– Угу.

– Больше да, чем нет. Город разрастается, значит, у меня будет работа.

– Планируешь здесь остаться?

– Пока не знаю.

Мы замолкаем, какое-то время двигаясь молча. Только сейчас обращаю внимание на то, что мы идем в сторону подземного пешеходного перехода, и направление выбираю не я. В любом случае я не против перейти дорогу.

– Ты с иняза? – спрашивает Руслан расслабленно.

– С чего ты взял? – чуть возмущаюсь я.

У меня что, это на лбу написано?

– Интуиция.

– Да, – отвечаю, выждав пару секунд.

– Золотая молодежь? – бросает на меня насмешливый взгляд.

– Мой отец – полковник, – сдаюсь, ведь я действительно «золотая молодежь».

Мать вышла замуж по переписке. Тогда еще за капитана, кажется, и у нее уже была я. Так что мой отец мне не родной, но роднее его отца быть не может.

Присвистнув, Руслан интересуется:

– Он за тобой с дробовиком не ходит?

– Нет, – смеюсь. – Твое хозяйство в безопасности.

– Мое хозяйство? – повторяет с легкой улыбкой.

В моей груди что-то екает, когда ловлю его взгляд.

Остановившись посреди парковой дорожки, Руслан подтягивает меня к себе и, выпустив мою ладонь, сжимает рукой талию.

Кладу руки на его плечи, глядя перед собой, то есть на его губы, которые прямо на уровне моих глаз.

Я перестаю дышать, сглатывая слюну.

– Что будем делать? – спрашивает низким голосом. – Я хочу тебя поцеловать.

Мои колени превращаются в желе.

Он настоящий танк, этот Руслан.

– Попробуй, – бормочу.

– На сколько мне тебя поцеловать? На семнадцать или на восемнадцать?

По моему животу растекается тепло, отдаваясь между ног жаркой пульсацией.

– Может, я сама тебя поцелую? – предлагаю, демонстративно игнорируя его «вопрос».

– Попробуй, – дублирует мой ответ.

Подняв голову, смотрю на него.

Его рот приоткрыт.

Я не такая уж смелая и боюсь опростоволоситься.

Сцепив за его шейей руки, встаю на носочки и прижимаюсь своими губами к его.

Они теплые и мягкие.

У меня слегка кружится голова.

Втянув носом воздух, приоткрываю рот, и Руслан делает то же самое. Через секунду наши языки соприкасаются, и от этого контакта на кончиках моих нервов искрит.

Склоняю набок голову, и он тут же углубляет наш поцелуй, с напором обрушиваясь на мои губы.

В голове пустеет так, что я не замечаю ничего вокруг.

Ни шума города, ни ветра, ни движения.

Из меня вырывается стон. Тело Руслана становится напряженным, как камень. Пальцами другой руки он обнимает мою щеку и нетерпеливо терзает мой рот мягкими головокругительными выпадами языка и губ, не позволяя ни на миллиметр отстраниться.

Мне не хватает воздуха, когда мы с ним смотрим друг на друга.

Стоя посреди дороги и мешая проходим, мы снова тянемся друг к другу, только на этот раз ладони Руслана ложатся на мои ягодицы через пальто и соединяют наши бедра, отчего меня буквально вытряхивает из кожи.

Кажется, он сам определился с тем, как меня целовать, и это не та версия, которая для малолеток!

Нет...

Меня трясет, и я обвожу языком влажные от его поцелуев губы, когда мы снова смотрим друг на друга.

– Мне в апреле будет девятнадцать, – сиплю говорю я.

– Пффф... – выдыхает Руслан. – Мне уже почти пофиг, сколько тебе... – сипит он в ответ.

Глава 6

Десять лет назад

Оля

– Ты живешь один? – мне стыдно оттого, что этот вопрос я задаю уже тогда, когда остановка, на которой мы сошли с автобуса, осталась в пяти минутах ходьбы позади.

Сжимая мою ладонь, Руслан тянет меня вслед за собой, будто боится, что я убегу.

Мне нужно было бежать еще полчаса назад. По крайней мере, для того чтобы остаться хорошей подругой Машке! Но на один мой шаг назад, у него два вперед.

Он выпускал меня из рук только для того, чтобы я могла зайти в автобус и из него выйти. Пока мы ждали общественный транспорт, Руслан закрывал меня собой от ветра, обняв со спины и прижимаясь холодным носом к моей щеке, чтобы слышать то, что говорю ему я, и чтобы я слышала, о чем говорит он сам.

– Нет, но у меня отдельная комната, – отвечает, проводя нас через квадратную арку и маленький тоннель внутрь большого двора с панельными пятиэтажками. – И моего соседа сегодня нет дома.

Двигается торопливо, то и дело поглядывая на меня, будто проверяет, на месте ли я.

Мои губы горят и пульсируют.

Никогда парни не целовали меня так. Никогда так не трогали. С обещанием и напором, которому я сдаюсь, а он и не оставляет выбора. Руслан не делает вообще никакой тайны из того, чего хочет. Мы целовались в полупустом автобусе, и он вжимал меня собой в стену так, что дрожь и электрические разряды до сих пор носятся по телу.

Его тело дрожало, и на пять секунд мне показалось, что он себя не контролирует.

Я и сама трясусь с головы до ног.

Меня лихорадит, потому что я тоже хочу. Хочу его. Хочу заняться с ним сексом. Я знаю, что значит «хотеть» парня, но все, что случилось со мной до этого, больше не считается.

От волнения я даже не запоминаю дорогу, абсолютно уверенная в том, что самостоятельно ни за что не найду его квартиру. Она на втором этаже, и как только мы оказываемся внутри, его горячий язык раздвигает мои губы.

Я пьяная от вкуса этого парня.

Руслан толкает меня к стене в полной темноте. Быстро расстегивает мое пальто, и я забрасываю ногу на его бедро. Он тут же сжимает его, просунув под юбку ладонь, и ударяет своими бедрами между моих.

– М-м-м... – из глаз вылетают искры.

Сдергиваю с его головы шапку и зарываюсь пальцами в жестковатые волосы.

Нащупав выключатель, он щелкает по нему, и в прихожей

загорается свет.

Его взгляд такой горячий. На моем лице, на моих губах. Он должен слышать стук моего сердца, потому что оно молотит по ребрам со всей дури.

– Мне нужно в туалет... – смачиваю слюной пересохшее горло.

– Вторая дверь по коридору, – говорит хрипло, отстраняясь.

В ванной повсюду мужские прибабасы. Бритвенные станки, подаренные на двадцать третье, полотенца и носки, развешанные по старой облупившейся батарее.

От ветра и возбуждения мои щеки алые.

На белье мокрые пятна. Я не помню себя такой мокрой. Никогда.

Мою руки, глядя на припухшие от поцелуев губы.

Руслан вышагивает по комнате, в которую открыта дверь.

Там старый разложенный диван, рабочий стол с компьютером и покосившийся древний шкаф. Я не питаю иллюзий по поводу съемного жилья, и мне не до обстановки.

В районе паха у хозяина так выпирают джинсы, что у меня каменеют соски и между ног тянет.

Проведя по волосам рукой, он кладет руки на пояс и смотрит на меня напряженно.

– Хочешь фильм посмотреть? – спрашивает.

– Угу... – одергивая рукава джемпера, сажусь на диван.

Сначала на край, потом подбираю под себя ноги.

Запустив какой-то фильм, Руслан задерживает на окне штору и закрывает дверь в комнату. И за это время в его ширинке становится только теснее, хотя он и делает вид, будто ничего особенного не происходит.

Сжимаю бедра, пытаюсь на него не пялиться, но я как заряженная боеголовка и слежу за каждым его движением исподлобья.

Подойдя к дивану, берет лежащую на краю подушку и перебрасывает ее к изголовью. Укладывается на нее, вытягивая ноги и забрасывая за голову руки.

Из колонок бахает музыкальная заставка знаменитой киностудии, и я укладываюсь на диван рядом с Русланом.

Прижимаюсь к его боку всем телом, перебросив через плечо волосы, чтобы он их не придавил.

Его руки тут же смыкаются вокруг меня.

Наконец-то я чувствую его запах.

Утыкаюсь носом в его футболку и вдыхаю, зажмурив глаза.

Она свежая. Пахнет чистотой.

Его тело вокруг меня очень подкачанное. Крепкое и теплое.

От тепла мне хочется, твою мать, замурлыкать!

Приподняв голову, я смотрю в его лицо.

Крылья его носа подрагивают, челюсти чуть напряжены.

– Что за фильм? – почему-то шепчу я.

– Вообще без понятия, – отвечает он.

Большая, горячая ладонь ложится на мое бедро.

Кусаю губу, глядя в его глаза и демонстративно не возражая.

Не отпуская мой взгляд, он проводит рукой до колена, оставляя на коже под колготками горячий след, а потом возвращается и забрасывает мою ногу себе на талию.

На этом наш кинопросмотр заканчивается, потому что его губы накрывают мои, а руки оказываются повсюду.

На груди, животе, между ног.

Шиплю, когда он накрывает меня собой и вращает бедра между моих ног, создавая настолько горячую имитацию процесса, что я впиваюсь пальцами в его каменные ягодицы.

Мои дрожащие пальцы гладят его спину под футболкой. Бедра дрожат. Ерзая, я пытаюсь тереться о его пах и делаю это совсем не незаметно, потому что Руслан издает приглушенный стон.

– Твою мать... – хрипит, тяжело дыша, и утыкается лбом в подушку рядом с моей головой.

Его тело вибрирует, вдавливая меня в диван, а рука выбирается из моих колготок и трусов.

До невозможности влажные скользкие пальцы накрывают мой живот, пока Руслан продолжает дышать рядом с ухом.

– Я буду первым, или нет? – спрашивает глухо.

Не знаю, какой вариант его больше устроил бы, но бездумно отвечаю:

– Первым...

Он продолжает шумно дышать, а когда вскидывает голову, я сглатываю.

Сев между моих ног, стаскивает с себя футболку.

Дыша через приоткрытые губы, скольжу глазами по безволосому торсу: сильным рукам, широкой груди, плоскому животу с густой дорожкой темных волос.

От возбуждения пальцы на ногах поджимаются.

Я избавляюсь от своего джемпера, а Руслан дергает за резинку моих колготок, стаскивает их вместе с трусами.

Машкина юбка-солнце болтается на моей талии, но я больше не шевелюсь.

Не моргая, наблюдаю за тем, как он расстегивает ширинку и приспускает трусы вместе с джинсами.

Глядя на его твердый член, я понимаю, что во мне до хрена скромности!

Пялиться на эту эрекцию без стеснения у меня просто не получается!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.